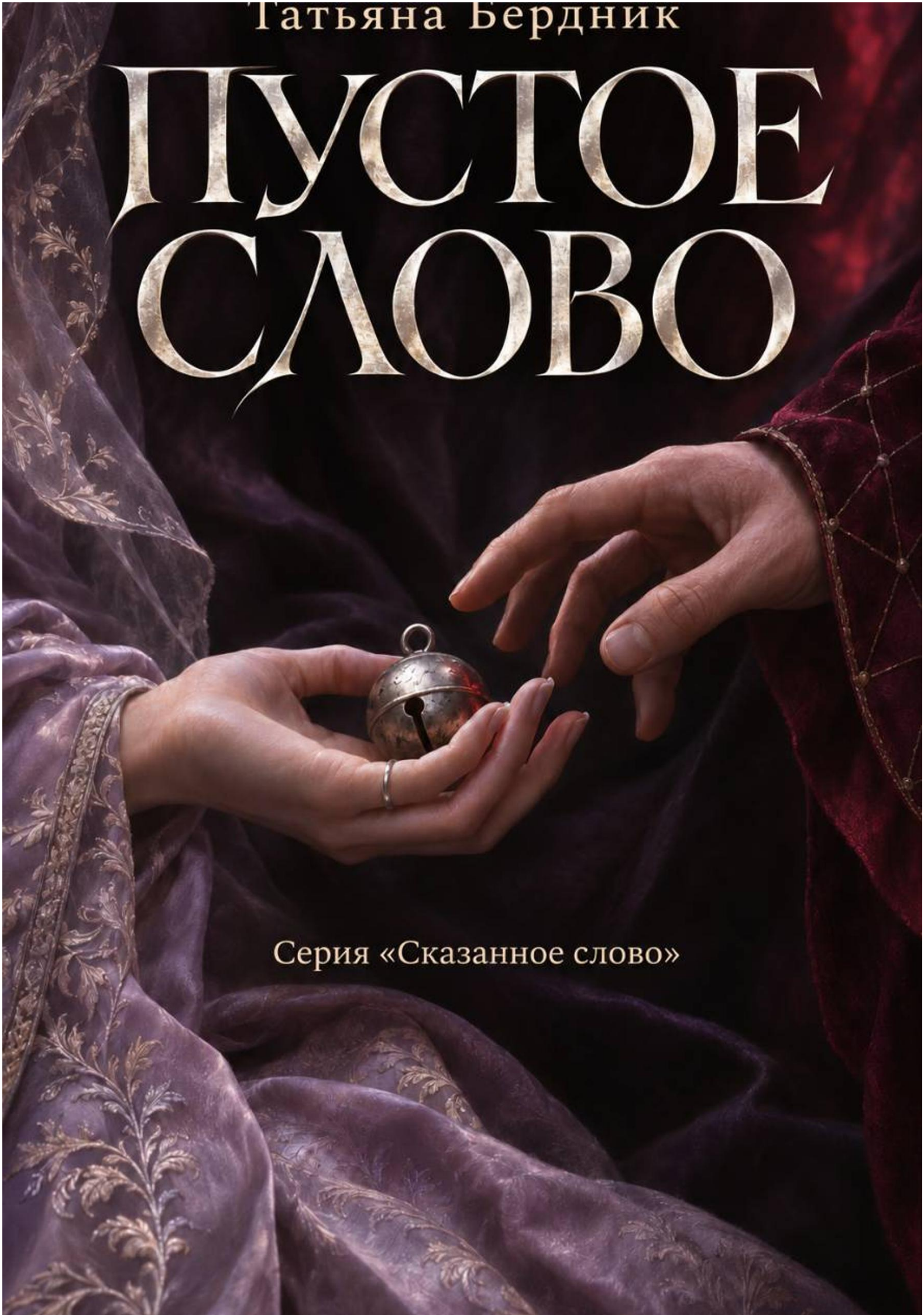
Татьяна Бердник

ПУСТОЕ СЛОВО

Серия «Сказанное слово»

Татьяна Бердник

Пустое слово

«Автор»
2026

Бердник Т.

Пустое слово / Т. Бердник — «Автор», 2026

В королевстве, где слово принца становится законом, одной фразы хватает, чтобы Мирта стала женой придворного шута. Пересмешник сам предложил ей руку. Зачем — он отвечает шуткой, как и на всё, что Мирта спрашивает о нём всерьёз.Мирта выросла среди судебных бумаг отца и привыкла разбираться в чужих показаниях. Теперь, когда она носит имя Пересмешника, суд отказывается принимать её собственные. И когда обвинение предъявляют её мужу, Мирте предстоит выяснить, что он столько лет скрывал от двора, и найти способ сказать об этом так, чтобы её услышали.

© Бердник Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Насмешка 5
Глава 1. Праздник Первого Слова 5
Глава 2. Королевское слово 10
Глава 3. Свадьба 13
Глава 4. Башня 17
Глава 5. Слово, которое не в счёт 22
Глава 6. Любезность канцлера 26
Глава 8. Старый король 33
Глава 9. Кубок 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Татьяна Бердник
Пустое слово

Часть первая. Насмешка

Глава 1. Праздник Первого Слова

Договор был составлен для брака, которого Мирта никогда не увидит: дочь суконщика из Нижнего города выходила за вдовца из гильдии красильщиков. Отец принёс бумаги вчера вечером, положил на угол стола и сказал, не оборачиваясь: «Посмотри, если найдётся время». Для чужих обещаний время у неё находилось всегда.

Она сидела в кабинете с рассвета. Окно смотрело на восток, на мокрые от росы черепичные крыши и на шпиль Храма Первого Слова, и солнце ложилось на лист так низко, что у каждой буквы была своя крошечная тень. Мирта любила этот час. Слуги ещё не гремели вёдрами, отец спал, и дом молчал так, как молчат только дома, где каждое сказанное слово чего-то стоит.

Третья статья не понравилась ей сразу, хотя она не могла бы объяснить почему. Мирта прочла её вполголоса, наедине с собой, когда слово ещё никому не принадлежит:

– «Супруг обязуется содержать супругу и детей её в достатке, соответствующем дому её отца».

Она отложила перо и потёрла средний палец правой руки, где за годы переписывания наросла твёрдая желтоватая мозоль. Детей её. Не «их общих детей», не «детей, рождённых в браке». У вдовца были сыновья от покойной жены, у невесты детей не было. «Детей её» можно было отнести к детям, которых она привела в дом. Утверждать, что сюда входят дети от этого брака, пришлось бы уже в суде. И ни слова о том, на что она будет жить, если овдовеет. А «дом её отца» – Мирта нашла в бумагах приписку о ссуде – был должен половине суконного ряда. Достаток, соответствующий долгам.

Ни одного лживого слова. Если стороны произнесут эту статью под сводами храма, ни у кого не сядет голос, ни на чьём запястье не проступит рубец. Через три года дочь суконщика останется с честным договором в руках и без хлеба.

Мирта вписала на полях своим мелким, тесно поставленным почерком: «…и всех детей, рождённых в сём браке, а равно саму супругу, во вдовстве или в болезни, в достатке не ниже ста серебряных в год». Потом подумала и зачеркнула «в год»: красильщик мог платить раз в пять лет и не солгать. Вписала: «ежегодно, в день святого Слова». Перечитала. Теперь статья держала.

Когда отец вошёл, на ходу застёгивая тяжёлый ворот домашнего кафтана, она уже переписывала договор набело.

Граф Ансельм Ольвен, королевский толкователь, был высок, сух и сед. Он двигался осторожно, будто опасался задеть мебель, и говорил тоже осторожно. Последнюю четверть века он почти не произносил фраз, которые можно было бы потом обратить против него. Он взял лист, поднёс его к окну и прочёл третью статью дважды, сначала быстро, потом медленно.

– Хорошо, – сказал он.

Это было всё. Мирта и не ждала большего. Через час, уже одетая к выходу, она стояла на лестнице и слышала, как отец принимает в приёмной самого суконщика: одышливого, в тесном праздничном камзоле, с шапкой, которую тот мял в руках.

– Третья статья исправлена, – говорил отец. – В моём кабинете заметили её слабость.

«В моём кабинете». Не «я заметил»: этого он сказать не мог, у него сел бы голос, и суконщик, человек простой, но не глупый, понял бы почему. И не «дочь заметила»: этого он говорить не хотел. Королевский толкователь не берёт в помощники девушку, даже если она с девяти лет переписывает его черновики, а с четырнадцати их правит. Мирта давно привыкла к этой фразе, как привыкают к сквозняку из одного и того же окна. Она даже находила её по-своему изящной.

Она спустилась, когда суконщик ушёл, и отец, не поворачивая головы, сказал ей в спину:

– Сегодня праздник. Постарайся, чтобы его высочество не ждал ответа слишком долго.

– Его высочество ни о чём меня не спрашивал, – ответила Мирта.

– Именно, – сказал отец.

***

Ленна причёсывала её долго и молча, и Мирта была ей за это благодарна. Волосы у неё были тёмные, тяжёлые и такие гладкие, что шпильки из них выскальзывали. Ленна, ворча без слов, закалывала каждую дважды. Платье, серо-голубое, с жёстким корсажем и узким кружевным воротником, портниха прислала только вчера. Левую манжету пришлось дошивать Ленне. Отец сам выбрал цвет, «чтобы не спорил с королевским синим». Мирта подумала, что спорить с королевским синим ей в любом случае не позволят.

Она встала, когда Ленна отступила, и посмотрела в зеркало без особого интереса, как смотрят на работу, которую нужно принять. Невысокая. Прямая, слишком прямая: тётка говорила, что она стоит, будто держит на голове кувшин с маслом. Лицо узкое, бледное, с упрямым подбородком. Глаза светлые, серые, и про них при дворе говорили «холодные», сначала за спиной, потом и в лицо, когда выяснилось, что она не обижается. Мирта сложила руки перед собой, привычно, правую поверх левой, так что пальцы легли, как на черенок пера, и в зеркале увидела, что выглядит именно так, как о ней говорят. Она нарочно разжала руки и опустила их вдоль юбки. Так стало хуже.

– Перчатки, госпожа, – сказала Ленна.

Перчатки были светлые, тонкие, и под ними мозоли не было видно. Мирта всё равно о ней помнила.

***

Наследный принц Эдмон начал оказывать ей внимание месяц назад, на охоте в Ольховом лесу. Сначала он подъехал узнать, почему она не смотрит, как гонят оленя. Мирта честно ответила, что читает. Потом, на балу у герцогини Сеймар, он танцевал с ней трижды. Потом присылал цветы, всегда без записки: записка – это слово, а принц, при всей своей пылкости, был воспитан канцлером и слов на бумаге не оставлял.

Двор понял всё раньше неё. На третьей неделе с ней начали здороваться дамы, которые прежде её не замечали. На четвёртой отец велел заказать новое платье к празднику.

Принц ей нравился, и Мирта старалась быть к себе в этом честной. Он был красив той светлой, открытой красотой, которую на гравюрах дают юным святым: золотистые волосы, лёгкая походка, быстрая улыбка. Он смеялся громко и от души, хорошо держался в седле, умел и любил говорить приятное. Однажды он спросил её мнение о договоре с Печатными городами, выслушал всё до конца и сказал: «Вы умнее половины моего совета». Мирта тогда покраснела от удовольствия, первый раз за много лет.

Только потом она заметила, что он сказал это при свидетелях, и не ей, а им. Он показывал её, как показывают редкого сокола: смотрите, какая у меня есть. Он ни разу не спросил её о чём-нибудь, кроме договоров и охоты, и ни разу не дослушал, если она начинала говорить о себе. В разговоре он всегда стоял чуть ближе, чем было удобно, и, кажется, не замечал, что она каждый раз отступает на полшага.

Весь этот месяц Мирта отвечала ему так, как её учили с детства: учтиво, тепло и так, чтобы ничего не пообещать. «Ваше высочество слишком добры». «Я не стала бы возражать

против такой прогулки». «Мне трудно представить вечер приятнее». Последнее было правдой: представлять приятные вечера она не умела вовсе. Все эти фразы можно было сказать перед храмовым алтарём, и ни одна не сбылась бы против её воли.

Она надеялась, что этого хватит, пока он не увлечётся кем-нибудь ещё. Она очень на это надеялась.

***

Праздник Первого Слова справляли во дворце с тех самых времён, когда дворец ещё был крепостью. В большой зал пускали всех, кто имел право носить шпагу, и ещё вдвое больше тех, кто это право покупал. Под потолком, на тёмных дубовых балках, висели полотнища с вышитыми строками «Первой песни». Говорили, что мир был сказан. Его произнесли вслух, и он сбылся. С тех пор каждое слово, сказанное при свидетеле, повторяет этот первый поступок в малом.

Мирта вошла под руку с отцом. За ними шёл Ив, младший брат, шестнадцатилетний, долговязый, в первом в жизни придворном камзоле, который сидел на нём, как на вешалке. Он наступил ей на шлейф, извинился шёпотом и тут же наступил снова.

– Ив, – сказала она, не оборачиваясь.

– Я знаю, – ответил он с таким отчаянием, что она едва не рассмеялась.

В зале было жарко и тесно. Пахло воском, разогретой кожей сапог, апельсиновой водой, которой дамы смачивали платки, и чем-то пряным с кухни. Из высоких окон был виден сад над рекой. Белые стволы ещё различались в сумерках, а серебряные кроны темнели, когда ветер переворачивал листья багряной изнанкой к окнам. Утром садовники срезали нижние ветки и вплели их в перила галереи. Теперь у Мирты под локтем листья уже сворачивались от жары. Она видела знакомые лица и считала поклоны: этот кивнул, эта сделала вид, что не заметила, а эта, вдова маркиза Ланье, ещё в прошлом году не узнававшая её на улице, теперь присела почти до пола.

Канцлер Корвин Орсаль стоял у правой колонны, как всегда. Невысокий, в тёмном, с седой аккуратной бородой и мягкими, почти отеческими манерами, он никогда не повышал голоса и никогда, как говорили, не лгал. Говорили, что он ни разу в жизни не почувствовал соли на языке. Мирта, дочь толкователя, понимала, что это значит, лучше многих, и потому всегда держалась от канцлера подальше. Он поклонился ей через зал, едва заметно и очень приветливо.

Потом трижды ударили в пол жезлом, и вошёл король.

Мирта не видела его с весны и поразилась тому, как он изменился. Король Альбер всегда был грузен и широк, а теперь казался завёрнутым в собственную мантию, как в чужое одеяло. Он шёл медленно, опираясь на руку камердинера, и, взойдя на возвышение, долго стоял, прежде чем сесть. Зал ждал. Наконец король поднял руку и сказал хрипло, но так, что слышали все:

– Мой сын говорит сегодня за меня.

Принц Эдмон шагнул вперёд и поклонился отцу, и по залу прошёл тот особый шорох, который бывает, когда сотни людей одновременно понимают одно и то же. До утра слово принца было королевским словом. Сказанное им при дворе становилось законом и не могло быть взято назад.

Король ушёл почти сразу. Принц открыл праздник «Первой песнью», прочитанной звонко и почти без запинок. Потом были музыка, вино, представления. Мирта стояла рядом с отцом и вежливо смотрела, как акробаты из Печатных городов строят живую башню.

Один лист зацепился за кружево на запястье Мирты. Она как раз пыталась высвободить его, когда зазвенели бубенцы.

Пересмешник проскочил под рукой у посла, перекатился через плечо и вскочил прямо перед бароном Гривом. Барон недавно женился в третий раз. Шут поклонился его новой жене и поздравил с тем, что первые две уже отмучились.

Громче всех засмеялась сама баронесса. Мирта успела увидеть, как она тут же посмотрела на мужа, проверяя, можно ли ей смеяться дальше.

Пересмешник носил пёстрое трико в косую клетку. При каждом движении клетки на ткани вытягивались, и Мирта никак не могла понять, как такой длинный человек умудряется разом исчезнуть за спиной у кого-нибудь вдвое короче. Лицо было набелено, чёрные брови нарисованы выше собственных, красная улыбка доведена почти до скул.

Пустому Слову позволено было больше, чем любому в этом зале. Пересмешник мог солгать, и у него не садился голос. Мог поклясться и не держать клятвы. Мирта всю жизнь старалась, чтобы слова держались, и вид человека, который разбрасывался ими так весело, всегда её раздражал.

А шут уже стоял у канцлерского секретаря. Он поднял над головой перстень, и секретарь, как все, потянулся посмотреть. Только когда Пересмешник вернул ему кольцо, тот машинально ощупал собственный палец. Тут уж Мирта едва не улыбнулась.

Шут обернулся. Ей понадобилось мгновение, чтобы понять, что он смотрит прямо на неё. Чёрная краска у ресниц пошла мелкими трещинками. До сих пор она видела его лицо только издали и почему-то думала, что под этой краской он всё время щурится от смеха.

Мирта опустила глаза. Пока он на неё смотрел, она тянула за лист, и теперь из кружева торчала оборванная нитка.

– Что там у тебя? – спросил отец.

– Лист.

Она спрятала запястье в складках юбки. Ей отчего-то было досадно, что отец спросил.

***

Принц подошёл к ней, когда отыграли третий танец. Подошёл не один: за ним тянулась свита, молодые придворные, две фрейлины его тётки, кто-то из послов. Он раскраснелся от вина и от власти, которую держал в руках до утра, и улыбался так широко и уверенно, что Мирта поняла всё за мгновение до того, как он заговорил.

– Сударыня Ольвен, – сказал он, и голос его зазвенел, как на чтении «Первой песни». Разговоры вокруг начали стихать. – Сегодня ночь Первого Слова.

– Да, ваше высочество.

– Вы знаете обычай.

Она знала. В эту ночь на прямой вопрос, заданный при свидетелях, отвечали прямо. Ни иносказаний, ни «я не стала бы возражать». Обычай был старый, полузабытый, его вспоминали редко, только когда кому-то очень хотелось получить ответ. Мирта видела, как замолкают люди уже в дальних концах зала. Видела отца: он стоял в трёх шагах, и лицо у него было неподвижное, но левая рука под манжетой сжалась. Видела Ива, который ничего ещё не понял. Видела, как у колонны слегка наклонил голову канцлер.

Музыка смолкла. Кто-то, должно быть, сделал знак.

– Скажите мне, сударыня, – проговорил принц в полной тишине. Он был так уверен в ответе, что даже не понизил голоса. – Вы любите меня?

Мирта подумала очень быстро, как думала над договорами, когда отец стоял над душой.

«Я глубоко уважаю ваше высочество» – правда, но в эту ночь обычай не принимает правды вместо ответа, и зал услышит увёртку.

«Я никого не любила прежде» – правда, но это не ответ, и все это поймут.

Молчание – тоже ответ, только трусливый и унизительный для обоих.

Она могла сказать «да».

На языке сразу выступила бы соль. Голос сел бы – может быть, на неделю, а может быть, навсегда: никто не знал заранее, сколько стоит ложь при тысяче свидетелей в праздничную ночь. Принц услышал бы, как она хрипит, и понял. И весь зал понял. Она представила себе это очень ясно: своё сорванное горло, его растерянное лицо, смех где-то сзади, который начнётся не сразу, а через несколько секунд, когда до людей дойдёт.

И всё равно на мгновение ей показалось, что это проще.

Потому что «да» было бы хотя бы ответом на его вопрос. А то, что она собиралась сказать, было ответом на вопрос, который он так и не задал.

Он ни разу за весь месяц не спросил, чего хочет она. Даже сейчас он спрашивал не об этом. Он спрашивал, удобно ли ему будет дальше показывать её, как показывают редкого сокола. Смотрите, какая у меня есть.

Мирта стояла прямо, с опущенными вдоль юбки руками, и смотрела ему в лицо. Лицо было открытое, красивое, счастливое. Она видела, как он уже почти улыбается шире – в ожидании.

В груди у неё было пусто и холодно, будто туда налили воды из реки под старым мостом. Пальцы под перчатками онемели. Она вдруг очень ясно почувствовала мозоль на среднем пальце правой руки – ту самую, от пера, – и подумала, что сейчас эта мозоль важнее всего, что происходит в зале. Потому что она хотя бы настоящая.

Она могла бы ещё секунду поискать другую формулировку. Но формулировок не осталось.

– Нет, – сказала Мирта.

Слово вышло ровным. Она сама этого не ожидала. Ей казалось, что голос должен дрогнуть, или сесть, или хотя бы чуть-чуть сорваться на конце. Ничего не произошло. Только в горле на мгновение стало сухо, как после долгого молчания.

Она никогда не слышала, чтобы в большом зале было так тихо. Не шуршали юбки, не звякали кубки, где-то в глубине, у дверей, не договорил свою фразу лакей. Принц всё ещё улыбался: улыбка не успела понять. Потом она начала медленно, мускул за мускулом, сходить с его лица.

Мирта смотрела на него и думала только об одном: сейчас он спросит ещё раз. Переформулирует. Найдёт вопрос, на который можно ответить иначе. И ей придётся снова выбирать между солью и правдой.

Но он молчал.

И в этой тишине, откуда-то из-за спин, тонко и коротко звякнул шутовской бубенец.

Глава 2. Королевское слово

Эдмон поднял руку к воротнику. Мирта знала это движение. Так он ослаблял завязку после охоты, прежде чем спешиться и передать кому-нибудь поводья. Теперь воротник был расшит жемчугом и завязывался сзади. Пальцы принца прошлись по вышивке и опустились.

– Как давно вы это знаете, сударыня?

Ей понадобилось мгновение, чтобы понять вопрос. Он всё ещё искал такую формулировку, на которую она могла бы ответить иначе.

– Достаточно давно, ваше высочество.

У колонны кто-то переставил бокал. Тот коротко звякнул о камень. Мирта никогда бы не подумала, что человек в таком огромном зале способен услышать столько мелких звуков и ни одного голоса, который пришёл бы ему на помощь.

– Госпожа Ольвен ответила так, как велит обычай, – сказал канцлер.

Мирта с благодарностью повернулась к нему. До этой минуты ей даже не приходило в голову, что кто-нибудь сочтёт нужным напомнить об обычае. Орсаль говорил тихо, и люди рядом с ним отступили, чтобы его было лучше слышно.

– Быть может, ей теперь захочется побыть вдали от двора, – продолжал он. – Настоятельница Тихих долин гостья моей сестры. Она уезжает завтра и, я уверен, найдёт место в карете.

Он сделал паузу, давая Мирте возможность согласиться. Она знала о Тихих долинах примерно столько же, сколько о том, что ждёт человека после смерти. Однажды отец читал ей вслух письмо тамошней настоятельницы. В конце письма та просила прислать два десятка зимних башмаков и ещё один список Первой песни. Мирта тогда подумала, что на два десятка женщин одной книги, должно быть, мало. Теперь ей пришло в голову, что женщинам там едва ли давали читать вслух.

– Разумеется, граф предпочтёт оставить дочь ближе к дому, – добавил Орсаль. – Лорд Дервен по-прежнему ищет хозяйку для своего дома. Он выразил готовность принять решение до отъезда из столицы.

Мирта видела лорда Дервена в начале вечера. Он просил камердинера разрезать ему грушу и потом сердился, что тот снял с неё кожуру слишком толстым слоем.

Она посмотрела на отца. Ему достаточно было сказать, что дочь нужна ему дома. Ещё вчера он велел ей отложить собственные дела и переписать два договора к понедельнику. Даже сейчас она машинально прикинула, кому он поручит второй.

Граф провёл большим пальцем по краю манжеты. Мирта ждала, пока он поднимет голову. Он так и не поднял.

Эдмон посмотрел на канцлера.

– В таком случае я…

– Отдайте её мне, ваше высочество, – сказал Пересмешник.

Кто-то у Мирты за спиной коротко хохотнул и тут же закашлялся. Шут стоял так близко, что она видела, как мелко потрескались белила у его виска.

– Госпожа любит правду, а я девять лет живу без неё и, как видите, недурно сохранился. Нам будет о чём поговорить за ужином.

Теперь смеялись уже открыто. Пересмешник подождал, пока смех немного уляжется. На лице у него успело появиться такое почтительное внимание, словно от ответа Эдмона зависело, где ему подадут ужин.

Принц посмотрел на него, потом на Мирту. Она ждала, что он спросит её ещё раз. Теперь она уже знала, что ответит, и ей даже хотелось, чтобы он спросил.

– Быть по сему, – сказал Эдмон. – Госпожа Ольвен выйдет за Пересмешника. Брак заключат завтра в Храме Первого Слова.

У Мирты под перчаткой похолодели пальцы. Она прижала большой палец к оборванной нитке, словно ещё могла убрать её с глаз отца.

Шут поклонился так низко, что один бубенец коснулся пола. Из всех звуков, которые поднялись в зале, Мирта потом лучше всего помнила этот.

Орсаль первым подошёл к графу. Он говорил с ним о часе церемонии и о том, кого из храмовых служителей можно известить сразу. Отцу оставалось кивать. Мирта смотрела, как они договариваются, и узнавала порядок действий. Так же отец на её глазах устраивал подписание чужих брачных договоров. В конце всегда выяснялось, что есть ещё какая-нибудь мелочь, для которой понадобится перо.

– Пойдём, – сказал Ив.

Он взял её под руку. В начале вечера у него так и норовила завернуться манжета, и Мирта дважды её поправляла. Теперь рукав был в порядке. Пальцы под ним дрожали.

– Отец ещё здесь, – сказала она.

– Я вижу.

Ив впервые за весь вечер не оглянулся на отца прежде, чем повести её к дверям. У выхода дама посторонилась, освобождая им дорогу. Мирта узнала баронессу Грив. Та посмотрела ей прямо в лицо. Ни одного слова обеим подбирать не пришлось.

***

По дороге домой граф сказал, что до полудня надо быть в храме. После этого они проехали два моста. Вода внизу была чёрная. У второго моста в свете фонаря Мирта увидела срезанную ветку. Та зацепилась за сваю, и вода то затягивала листья под мост, то выпускала их обратно. Ей казалось важным досмотреть, оторвёт ли ветку течением. Карета свернула раньше.

– Вы слышали, что он сказал? – спросила она отца.

– Всё сказанное при дворе слышали многие.

Она повернулась к нему. Было темно, но она знала, какое у него сейчас лицо. Таким тоном он объяснял ей, почему купцу бесполезно жаловаться на договор, который тот уже подписал.

– До этого, – сказала она. – Когда канцлер предложил отправить меня в Тихие долины.

Отец положил руки на набалдашник трости. Кольцо на его указательном пальце тихо стукнуло о дерево.

– Орсаль позаботился, чтобы завтра нам отвели боковой вход, – сказал он наконец. – Вам с Ленной не придётся идти через площадь.

Мирта отвернулась к окну. Из всех ответов отец выбрал тот, на который полагалось сказать «благодарю». Она промолчала. Остаток дороги он ехал, опираясь обеими руками на трость, хотя карета теперь шла ровно.

Дома Ленна принялась вынимать у неё из волос шпильки. Первые три выпали сами, стоило снять ленты. Остальные сидели крепко, и Мирта знала, что завтра будет чувствовать на коже каждый укол. На туалетном столике лежало приглашение на праздник. Ленна перевернула его чистой стороной вверх и стала складывать на него шпильки.

– Платье оставить здесь, госпожа?

Мирта взглянула на серо-голубую юбку, на кружево, которое Ленна дошивала вчера при свечах.

– Убери его, пожалуйста.

Ленна аккуратно подняла платье с пола. На мгновение оно расправилось у неё в руках, и Мирта увидела, какое красивое. Портниха точно угадала, где заложить складку, чтобы при ходьбе ткань не цеплялась за каблук. Мирта весь вечер проходила в этом платье и ни разу не подумала о подоле. Теперь ей хотелось сесть на пол и заплакать именно из-за него.

Когда Ленна вышла, за дверью послышался шорох. Мирта подождала. Кто-то передвинулся и опять затих. Она открыла дверь и увидела Ива. Он сидел на полу, прислонившись к

стене, и старался вытащить серебряную пряжку из-под пятки. Оба башмака стояли рядом, как у человека, который устроился здесь надолго.

– Ты можешь идти спать.

– Знаю.

Он поднял глаза. Теперь, когда придворный камзол расстегнулся до половины, Ив снова выглядел на свои шестнадцать. Мирта подумала, что отец утром спросит, зачем он помял рукава, и Ив, чего доброго, расскажет.

– Хочешь войти? – спросила она.

Ив подумал.

– Если захочешь меня позвать, позови. Я услышу.

Она оставила дверь приоткрытой. Позднее, когда свеча догорела, он один раз кашлянул, а под утро зашуршал камзолом и затих. Всё это время Мирта перебирала сказанное в зале. Доходила до места, где отец мог открыть рот, и останавливалась. Потом начинала сначала.

***

Рассвело. Мирта накинула шаль и спустилась в кабинет.

Один договор отец уже переписал сам. Лист лежал у окна, прижатый коробочкой с песком. На третьей странице он пропустил строку. Мирта увидела это сразу: слово в конце строки повторялось дважды в черновике, и отец, должно быть, перескочил взглядом ко второму. Она потянулась за пером.

Вчера она бы вписала строку и поставила рядом маленький знак, чтобы отец знал, где прочесть снова. Вполне возможно, он даже заметил бы знак.

Мирта дочитала страницу, положила её на место и пошла наверх. Ив всё ещё спал у её двери. Она переступила через его ноги и попросила Ленну помочь ей одеться к свадьбе.

Глава 3. Свадьба

Платье для свадьбы Ленна достала из дальнего сундука. Мирта надевала его весной на именины отца и потом велела убрать: ей казалось, что лиловый бархат придаёт ей болезненный вид. Сегодня это было даже кстати. Если кто-нибудь спросит, хорошо ли она себя чувствует, можно будет ответить, что она дурно спала.

Ленна просунула шнур в верхнюю петлю и остановилась.

– Туже, госпожа?

– Оставь так.

Вчера Мирта провела перед зеркалом столько времени, что успела рассмотреть, как под пудрой проступает каждая веснушка у Ленны на носу. Сегодня она заметила только, что у девушки покраснели веки.

– Отец сказал тебе, куда идти после храма?

– Сказал подождать его в карете.

Мирта увидела в зеркале, как Ленна взялась за следующий конец шнура и пропустила петлю.

– Возьми свой тёплый плащ, – сказала она. – После храма поедешь со мной.

Этого ей никто не разрешал. Отец, пожалуй, уже успел решить, сколько людей понадобится дочери при новом хозяйстве. Мирта была вполне уверена, что Ленны в его списке нет. Но до полудня оставалось ещё полчаса, и ей хотелось за эти полчаса распорядиться хоть чем-нибудь.

***

К боковому входу их проводил сам Орсаль. Накануне он позаботился о боковом входе. Карета остановилась у узкой двери между ризницей и домом свечника. На ступеньках стоял только мальчик с корзиной огарков. Он поклонился, и канцлер придержал дверь, чтобы мальчику не пришлось пропускать их с тяжёлой корзиной в руках.

За дверью пахло горячим воском и мокрой шерстью. С утра прошёл дождь. Прихожане, которых избавлять от площади было некому, уже успели заполнить храм и теперь сохли в тесноте.

– Я отвёл вашему брату место впереди, – сказал Орсаль. – Оттуда вы его увидите.

Мирта едва не поблагодарила. Ив как раз выглянул из-за колонны. Увидев её, он поднялся и задел коленом скамью. Орсаль подождал, пока тот снова сядет, и только тогда повёл графа к его месту.

Свет падал сверху, из узких окон над хором. В нижних стёклах отражались серебряные ветви, принесённые с праздника. За ночь срезы потемнели. Одна ветка торчала из медной вазы так низко, что конец её касался раскрытой храмовой книги. Молодой писец дважды отвёл ветку в сторону. Она оба раза легла на страницу.

Пересмешника Мирта сперва не увидела. Потом возле алтаря кто-то кашлянул, и он выпрямился за спиной священника. На нём был вчерашний колпак, а вместо клетчатого трико он надел чёрный камзол с длинными рукавами. Шут выглядел бы почти пристойно, если бы на вороте не висело ещё по бубенцу с каждой стороны. Он склонил голову, приветствуя Мирту, и оба звякнули.

Кто-то засмеялся ещё до того, как он успел что-нибудь сделать. Мирта с удивлением увидела, что он на миг задержал взгляд на засмеявшемся. Потом поклонился ниже, и теперь уже засмеялись остальные.

Эдмон стоял в первом ряду. На нём был тёмно-синий камзол, в котором он танцевал с ней у герцогини Сеймар. После третьего танца он тогда попросил её остаться ещё на один. Она была так довольна, что он попросил, а не повёл её сразу обратно в круг, что согласилась. Сейчас

он смотрел поверх её плеча. Мирта решила, что и сама до конца церемонии будет смотреть куда-нибудь мимо него. В храме хватало места для двух таких взглядов.

Священник дождался тишины и огласил вчерашнее слово Эдмона. Оно прозвучало почти буднично. Мальчик со свечами, опоздавший к началу, выслушал его, вытягивая из рукава прилипший к ткани фитиль. Потом писец обмакнул перо, и Мирта услышала своё полное имя.

– Мирта Ольвен, дочь Ансельма Ольвена, от сего дня в супружестве и под словом Пустого Слова.

Она знала, что именно это он прочтёт. В храмовых книгах указывали, чьё слово отвечает за женщину. Дома за неё отвечал отец. Если она давала показания, секретарь сперва спрашивал, под чьим словом она говорит, и только потом брался за перо. Она сотни раз переписывала эту формулу. Теперь ей впервые пришло в голову, как странно звучит «под словом Пустого Слова», если произнести всё целиком.

– Прочтите ещё раз, – сказала она.

Писец посмотрел на священника. Тот кивнул. На этот раз юноша дочитал до конца медленнее, словно заподозрил, что пропустил что-то важное.

– И если я завтра приду в суд, под каким словом вы примете мои показания?

У священника были обветренные руки и совершенно чистые ногти. Он сложил их на краю книги, подальше от свежей строки.

– Под тем, что внесено в книгу, сударыня.

– И примете?

Он взглянул на неё. Она видела, что ему неприятно отвечать при всех.

– Суд не принимает показаний Пустого Слова.

Мирта посмотрела на отца. Накануне он мог бы сказать ей об этом в карете. Времени хватило бы между первым мостом и вторым.

Священник повернулся к Пересмешнику.

– Вы знаете порядок, – сказал он. – Госпожа Ольвен произнесёт брачную клятву одна. Вашего слова храм принять не может.

Шут со всей серьёзностью снял колпак и положил его на край ступени. Без колпака он оказался ещё выше, чем Мирте казалось. Тёмные волосы примялись на виске, и одна прядь стояла торчком. Хотелось сказать ему об этом, как сказала бы Иву перед выходом из дома. От этой мысли Мирте стало ещё досаднее.

– Куда же мне деть всё, что я с утра заучивал? – спросил Пересмешник.

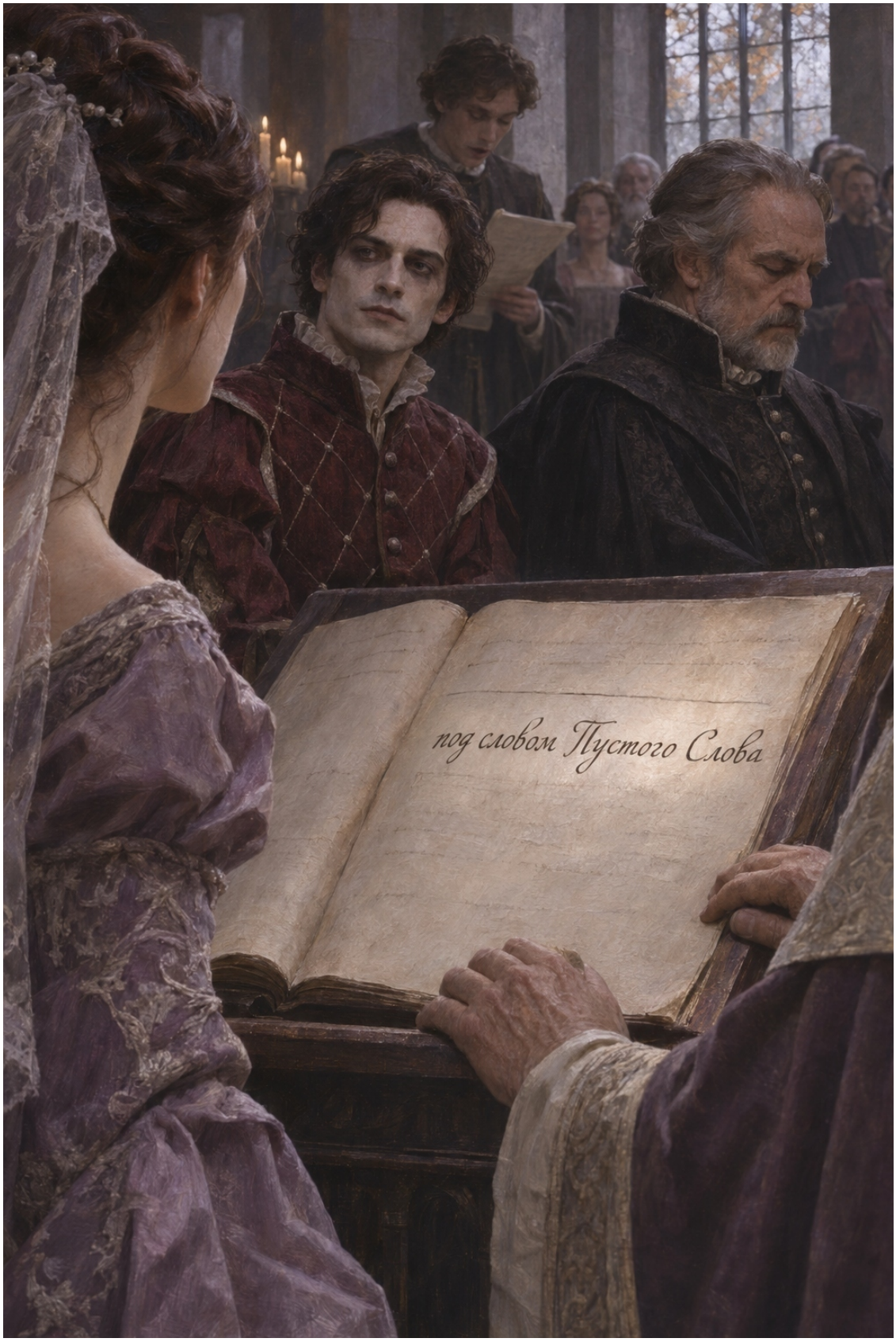
– Приберегите на другой случай, – сказал священник.

– Боюсь, второго такого счастья мне не выпадет.

На этот раз он рассмешил даже писца. Перо дрогнуло, и над именем Мирты упала капля чернил. Писец торопливо взял песок. Мирта смотрела, как чернильная капля всасывается в крупинки и из блестящей делается матовой.

Священник подсказал ей первые слова. Мирта повторила. Голос прозвучал ровно. От этого ей стало легче. Она ещё могла решать хотя бы то, с какой скоростью будет говорить. На словах о доме она остановилась, чтобы вдохнуть. Священник ждал. Из первого ряда донёсся скрип подошвы, а потом Ив негромко кашлянул. Мирта вдруг вспомнила, как он кашлянул ночью у её двери, и договорила.

Затем священник закрыл книгу. Пересмешник поднял колпак с пола. Вот и всё. Вчера утром она потратила чуть меньше часа, чтобы защитить от нужды одну незнакомую женщину. Для её собственного брака оказалось достаточно двух фраз Эдмона и нескольких минут, пока сохли чернила.

***

Ступени к выходу были мокрыми. Мирта взяла юбку повыше, но Ленна подшила подол ещё весной, под другие башмаки, и каблук всё-таки зацепился за подкладку. Она едва успела подумать, что сейчас приложится коленом о камень, как Пересмешник подхватил её под

локоть. Сделал это так быстро, что она успела выпрямиться прежде, чем кто-нибудь подал голос. Рука у него была твёрдая и горячая даже через бархат.

– Господа, – сказал он, оглянувшись на тех, кто выходил следом, – по ступеням я пока хожу лучше, чем по семейной жизни. Пользуйтесь случаем.

Кто-то предложил проводить их до кареты, чтобы посмотреть, как он справится и там. Пересмешник успел ответить что-то про ступеньку, которую готов взять в долю. Мирта уже высвободила локоть. Он сразу разжал пальцы.

Под навесом отец стоял рядом с Ленной. Плащ у неё был перекинут через руку, а у ног лежал узел.

– Ленна поедет со мной, – сказала Мирта.

Отец посмотрел на девушку. Видно было, что он собирается спросить, кто ей позволил собраться. Потом увидел узел и, должно быть, решил, что ответ ему уже известен.

– Пришлите за сундуком, когда устроитесь, – сказал он.

Мирта кивнула. Вчера за эту уступку она, пожалуй, была бы ему благодарна. Сегодня ей хотелось только, чтобы Ленна успела надеть плащ до того, как снова пойдёт дождь.

Ив вышел последним. В руке у него была небольшая кожаная папка с тесёмками.

– Ты её забыла.

Мирта узнала папку. Там лежали чистые листы и несколько черновиков, которые она много раз собиралась выбросить. Вчера вечером она оставила её на стуле у себя в комнате. Ив, значит, поднялся за ней уже после того, как она ушла.

– Спасибо, – сказала она и взяла папку обеими руками.

У кареты Пересмешник пропустил вперёд Ленну и нагнулся подобрать её узел. Тот оказался тяжелее, чем выглядел. Мирта знала, что на дне у Ленны лежит утюг, который она возит с собой даже на два дня. Пересмешник только перехватил узел за другой угол и поставил его на пол кареты так тихо, что железо ни разу не стукнуло.

– Куда мы едем? – спросила Мирта.

Он уже взялся за дверцу. Пальцы у него были длинные, с белилами у ногтей. На её вопрос он сперва посмотрел ей в лицо, будто решал, сколько она знает о месте, где ей теперь придётся жить.

– В башню у старого моста, сударыня.

Это был первый за всё утро ответ, который он дал ей своим голосом. Тихим, чуть хриплым. Снаружи кто-то ещё смеялся, и Мирта расслышала его только потому, что стояла совсем близко.

Глава 4. Башня

Карета остановилась так близко к воде, что Мирта сперва услышала реку и лишь потом голос кучера. Под обрывом течение било в каменные опоры старого моста. Оттуда тянуло сыростью. На стене над дорогой белел след прошлогоднего разлива, выше колеса кареты почти на ладонь.

– Весной вы здесь как проезжаете? – спросила она.

– Весной мы здесь главным образом смотрим, как другие пробуют проехать, – ответил Пересмешник и спрыгнул на землю.

Башня стояла в изломе дворцовой стены. Снизу Мирта насчитала три окна. В самом нижнем, за стеклом в мелких пузырях, горел свет. На подоконнике остывали две круглые лепёшки. Стоило Пересмешнику взяться за дверное кольцо, как одна исчезла.

– Вторая тоже мне, Гедда, – сказал он в окно.

– Вторая гостям.

– У меня теперь есть гости?

Дверь открылась. На пороге стояла пожилая женщина в полотняном переднике, с блюдом в руках. Она оглядела лиловое платье Мирты, Леннин узел и башмаки Пересмешника, уже успевшие набрать грязи, именно в таком порядке.

– Вы, значит, госпожа Ольвен. Входите. У нас сегодня с утра топили, пока наверху ещё можно сидеть.

Пересмешник протянул было руку к блюду. Гедда отодвинула его локтем с такой лёгкостью, словно проделывала это много лет. Мирта увидела, как он без звука рассмеялся. Потом он подхватил Леннин узел и понёс его наверх, пропуская по винтовой лестнице обеих женщин. Как он умудрялся идти следом и ни разу не задеть узлом стены, Мирта поняла, только обернувшись. На поворотах он поднимал его над головой. Плащ у него при этом всё-таки волочился по ступеням.

В общей комнате стояли два стула, низкая скамья и стол у окна. На подоконнике сохли перевёрнутые сапоги. На столе лежали карты, свёрнутая лента, нож с деревянной рукоятью и три яблока, одно надкушенное. На каминной полке вместо часов стоял колпак с пришитым набок бубенцом.

– Это всё одного человека? – спросила Ленна.

Гедда поставила блюдо.

– Увидели бы вы, сколько я уже убрала.

Гедда выдвинула из-под стола скамью. Мирта протянула руку к одной из чашек на блюде. На ободке у неё недоставало кусочка глины. В отцовском доме такую чашку отнесли бы на кухню. Здесь из неё, вероятно, пил кто-то один и ставил на привычное место. Мирта убрала руку.

– Эту можно взять?

Гедда посмотрела сперва на чашку, потом на неё.

– Можно. Только поверните целым краем к себе. Она зато долго держит тепло.

Гедда налила ей воды и подвинула блюдо с лепёшкой. Мирта села, всё ещё в плаще. Вода была тёплая. Она только теперь заметила, что за всё время с тех пор, как вышла из храма, ни разу не попросила пить. Ленна уже сняла плащ и стояла у камина, держа в каждой руке по тесёмке. Мирта подвинулась, чтобы та могла сесть рядом. Ленна посмотрела на Гедду, но Гедда уже несла вторую чашку.

Мирта сняла перчатки. Между ставней и рамой оставалась щель, сквозь которую было видно реку. Она подошла ближе. За мостом вдоль дворцовой стены тянулся сад. Ветер переворачивал серебряные листья, и в отдалении казалось, будто кто-то то и дело приоткрывает

красную подкладку плаща. Отсюда, снизу, видны были голые ветки у самой стены, там, где садовники вчера срезали зелень к празднику.

– На повороте лестницы дверь в зимний сад, – сказала Гедда. – Нижняя задвижка тугая. Если захотите выйти, сперва потяните дверь на себя.

Она говорила о башне так, словно Мирте предстояло провести здесь остаток осени. Мирта положила перчатки поверх папки, которую принёс Ив, и спросила, где Ленна будет спать.

Ленне отвели комнатку над кухней, узкую, зато тёплую от печной трубы. Наверху для Мирты приготовили постель. Она увидела выстиранные занавески, миску, кувшин и сундук у двери. На крышке сундука стояла белая глиняная кружка, рядом лежал выцветший красный шнурок.

Гедда поднялась следом со свечой и спросила, куда её поставить. Мирта показала на сундук, потому что на нём уже стояла кружка. От кровати до свечи было бы далеко. Ей пришлось бы вставать всякий раз, когда захочется что-нибудь рассмотреть.

– Или сюда? – спросила Мирта, указав на столик у постели.

Гедда поставила свечу туда, где та показала. Потом сняла с плеча сложенное полотенце, огляделась и спросила, куда положить его. На этот раз Мирта ответила сразу. Ей было удобнее держать его у кувшина, чтобы можно было вытереть руки, не пересекая комнату. Она хотела объяснить почему, но Гедда уже положила полотенце к кувшину и ушла вниз. Снизу Мирта услышала, как она спрашивает у Ленны, хватит ли ей в комнате одного крючка.

Мирта села на край кровати. Ей хотелось поставить папку на стол, открыть её и найти там хотя бы одно дело, которое надо кончить к утру. Она спустилась за ней и обнаружила, что всё ещё голодна. Лепёшка была липкая по краям и пахла гречишным мёдом. Наевшись, она отыскала в папке лист с расчётом пошлины на сукно. На одном углу осталось пятнышко от чая. Мирта знала и какие слова стоят над пятном, и сколько места отец оставил ей внизу для поправки. На днях он собирался принести ещё один расчёт, чтобы она сверила суммы. Сегодня он сказал только, чтобы она прислала за сундуком. Мирта нащупала в папке чистый лист. Она могла написать ему, какие книги положить сверху, пока слуга ещё не стянул сундук ремнём. Даже прикинула, кому утром отдать записку. Потом посмотрела на принесённую Геддой чашку и сунула чистый лист обратно. Прочла три строчки и поймала себя на том, что слушает, как на кухне Пересмешник просит Гедду отдать ему хоть подгоревший край.

К вечеру камни отсырели от реки, и в комнате наверху стало холодно. Ленна помогла Мирте снять платье и предложила остаться, пока она не уснёт. Мирта велела ей идти греться у печи. Теперь, в шерстяном халате, она стояла у постели и никак не могла вспомнить, чтобы кто-нибудь сказал ей, где будет спать её муж.

Слово «муж» всё ещё не умещалось в голове. До сегодняшнего утра у него было довольно точное значение: человек, под чьим словом ты говоришь, человек, чьё имя стоит рядом с твоим в храмовой книге, человек, которому ты обязана отвечать. Теперь всякий раз, когда она мысленно его произносила, ей приходили на ум длинные пальцы в белилах, придерживавшие дверцу кареты, и спокойный вид священника, когда тот закрыл книгу. И ещё – бубенец, который коротко звякнул о пол в полной тишине зала.

Она села на край кровати. Халат был слишком большим, рукава сползали на пальцы. В комнате пахло сырым камнем и чуть-чуть мёдом – наверное, от лепёшки, которую она ела днём. Снизу доносились голоса: Гедда что-то говорила, Пересмешник отвечал коротко, почти без шуток. Мирта прислушалась и поняла, что ждёт, когда он поднимется. И одновременно надеется, что он не поднимется ещё долго.

Он постучал и вошёл, когда она ответила. Колпак оставил внизу. Краска на лице поблекла, а у края чёрной брови Мирта заметила светлую полоску, где он, должно быть, потёр висок. В руках у него были тюфяк и свёрнутое одеяло.

– Гедда говорит, угли ещё продержатся час, – сказал он. – По её счёту это значит до утра. Она очень щедра на чужое тепло.

Он положил тюфяк на сундук, сел и стянул один сапог. Второй поддался хуже. Пересмешник скорчил такую страдальческую гримасу, что Мирта чуть было не предложила ему помочь. Потом поймала себя на этом желании и замолчала. Предложить помощь значило признать, что он здесь останется. А она всё ещё не знала, готова ли это признать вслух.

– Вы здесь ляжете?

– Если сундук переживёт ещё одну ночь.

Она посмотрела на дверь. Чтобы выйти, ей пришлось бы попросить его встать. Дверь открывалась внутрь. Ленна днём, когда выходила, уже задела ею угол сундука, а теперь с крышки свисало ещё и одеяло. Мирта подумала, что могла бы просто попросить переставить сундук. В отцовском доме, если шкаф или стол мешал открыть дверь, она так и делала. Здесь ей пришлось сперва решить, кто из них вправе выбирать, как расставить вещи в этой комнате. В храме она ещё держала себя прямо и задавала вопросы. Сейчас ей стоило труда сказать даже это. Горло будто сжалось – не от соли, просто от того, что любое слово сейчас казалось слишком громким для этой комнаты.

Когда она снова взглянула на него, лицо у него было совершенно неподвижно. Не маска шута и не усталость – просто пустота, в которой он, кажется, прятался. Он сунул ногу обратно в сапог, снял с сундука тюфяк и кружку и перетащил сундук к камину. Рукава задрались, на предплечьях натянулись жилы. Сундук оказался тяжелее, чем она думала. Он снова положил на крышку тюфяк и только тогда выдохнул – коротко, почти незаметно.

Освободившаяся дверь чуть отошла от косяка. Мирта вдруг увидела за ней ступеньку и узкую полоску стены на повороте. Днём по этой стене скользнула тень Ленниного узла, когда он нёс его наверх. Теперь туда падал свет от свечи, которую она сама попросила поставить у постели. Мирта могла бы подойти и закрыть дверь до конца. Ей захотелось оставить её так.

– Так лучше, – сказала Мирта.

Голос прозвучал чужим. Она сама не поняла, что именно имеет в виду: что сундук теперь не загораживает дверь, или что он отодвинулся дальше от её постели, или что вообще согласился остаться в этой комнате, а не уйти вниз, оставив её одну с холодом и шумом реки.

Он кивнул, сел и снова принялся за второй сапог. На этот раз тот сошёл с первого раза. Мирта смотрела на его руки. Длинные пальцы, белила у ногтей, тонкая царапина на костяшке. Она вспомнила, как эти же пальцы подхватили её под локоть на мокрых ступенях храма – быстро, точно, будто он давно знал, что она оступится.

– Я бы ещё пообещал вам, что не встану до утра, – сказал он. – Только с моими обещаниями, боюсь, много хлопот и мало проку.

Он уже отвернулся к камину. Сказал это легко, почти привычно, но Мирта вдруг подумала, что он и сам не уверен, как звучит его голос без зала и без смеха. Здесь, в тишине, каждая фраза ложилась иначе.

Она легла, подтянула одеяло к подбородку и долго слушала реку. Вода с силой ударяла о быки моста, а в промежутках слышно было, как у огня разгорается полено. Она ждала, что он ещё что-нибудь скажет. Смешное. Или просто такое, после чего от неё потребовался бы ответ. Ей даже хотелось, чтобы он сказал что-нибудь неуместное – тогда можно было бы ответить колко и почувствовать себя снова собой.

Но он молчал.

Сундук один раз скрипнул, когда он устроился удобнее. Потом из его угла доносилось только ровное дыхание. Мирта лежала с открытыми глазами и считала удары воды о камень. На десятом она обнаружила, что всё ещё сжимает край одеяла в кулаке. Пальцы затекли. Она разжала руку медленно, будто боялась, что он услышит даже этот звук.

Ей было не страшно. Странно было то, что ей не было страшно. Всё утро и весь день она ждала ужаса, ярости, желания бежать. Вместо этого внутри было тихо и пусто, как в зале после её «нет». Только теперь эта пустота была меньше и почему-то теплее.

Она подумала, что он, наверное, тоже не спит. Лежит на жёстком сундуке, слушает ту же реку и думает о чём-то своём. Может быть, о том, зачем вообще предложил себя в мужья. Может быть, о том, как глупо сейчас выглядит без колпака и без зала, который всегда смеялся вовремя.

Мирта почти произнесла это вслух. Потом прикусила губу.

Утром сундук был пуст. Пересмешник стоял у камина, затягивая манжету, с заново выбеленным лицом. Чёрная бровь была на прежнем месте. Теперь Мирта знала, где под ней искать настоящую.

– Доброе утро, сударыня. Сундук благодарит за беспокойство.

Он спустился прежде, чем она успела ответить. Голос снова был лёгким, почти прежним. Только Мирта успела заметить, что он не посмотрел на неё, пока говорил.

Она потянулась за халатом. Тюфяк был свёрнут у ножки сундука, и из-под него виднелся угол книги. Она сдвинула тюфяк и прочла вытисненные на коже буквы.

Это был свод законов о слове. Такой же, как у отца, только застёжка давно сломана, а на том месте, где начинались статьи о свидетельстве, края страниц потемнели от пальцев.

Мирта провела пальцем по потемневшему краю. В отцовском своде нужную статью можно было найти по ленте, заложенной между страницами. В этом, кажется, достаточно было придержать переплёт одной рукой, и он сам раскрылся бы на том месте. Ей захотелось проверить. Потом она услышала, как снизу поднимается Ленна. Книга лежала там, где её оставил он сам, и Мирта вдруг представила, как вечером он станет искать её под тюфяком. Она положила тюфяк обратно.

Снизу доносился его весёлый голос. Он уверял Гедду, что ради одной лепёшки готов дать какое угодно обещание. Мирта достала из папки чистый лист. Теперь можно было написать отцу. Она перечислила книги, попросила положить их сверху и уже собиралась подписаться, когда поняла, что впервые за много лет пишет ему из другого дома. Рука сама потянулась начать новую строку, спросить, как он спал. Снизу Гедда позвала её завтракать. Мирта поставила подпись и оставила письмо сохнуть на краю столика.

Мирта села на кровать и ещё долго слушала, как он смеётся внизу. Смех был настоящий. Или очень хорошо сделанный. Она уже не умела отличить.

Глава 5. Слово, которое не в счёт

Через два дня после свадьбы Мирта вернулась во дворец. Там, в малой галерее, по четвергам разбирали прошения придворных, и до полудня ещё можно было застать отца. Он прислал её сундук, как и обещал, но книги, которые она просила положить сверху, так и остались в кабинете. Мирта собиралась забрать их сама. Дорогой ей пришло в голову, что отец, возможно, будет рад её видеть. Она дошла до дворца, успела вытереть ноги о циновку и всё ещё не знала, что ему скажет, если он действительно обрадуется.

Ещё на мосту Ленна спросила, стоит ли брать корзинку. Книги, сказала она, можно было бы завернуть в плащ, а корзинка только мешает идти, когда ветер. Потом Мирта назвала все три книги, и Ленна молча переложила корзинку в другую руку. В отцовском кабинете Мирта могла бы найти их с закрытыми глазами. Справочник по торговым мерам, должно быть, и сейчас лежал плашмя поверх остальных книг, придавливая отцовские счета.

У дверей галереи стояли две дамы, с которыми она прежде танцевала на каждой придворной репетиции. Младшая увидела Мирту первой. Она уже приподняла руку для приветствия, когда старшая спросила её, хорошо ли сидит у неё на голове чепец. Пришлось обеими руками поправлять чепец. Мирта успела пройти мимо. Со спины дамы обсуждали, как полезно одеваться перед большим зеркалом.

– У неё и так большое, – тихо сказала Ленна.

Мирта взглянула на неё. Ленна смотрела прямо перед собой. Она принесла с собой корзинку, куда собиралась сложить книги, и уже приготовилась взять больше, чем сможет унести.

У стены придворные оставляли плащи и накидки. Наверху в галерее было жарко, и Ленна предложила отнести Миртин плащ туда же. Пока она освобождала место на краю скамьи, маркиза Ланье рывком сняла с соседнего крюка свою тёмную шаль. Мирта услышала, как стукнуло о дерево что-то металлическое, и оглянулась. Маркиза уже набрасывала шаль на плечи, а Ленна, нагнувшись, поднимала с пола напёрсток. Он всё утро норовил выпасть у неё из кармана. Ещё на мосту она сказала, что дома пришьёт к карману пуговицу.

Отец сидел за перегородкой рядом с судьёй. Мирта видела сквозь резные прорези его рукав и руку на стопке бумаг. Она послала мальчика сказать, что пришла, и стала ждать. Ленна вернулась с корзинкой. Тут маркиза, уже дойдя до верхней ступеньки, остановилась, потрогала ворот платья и повернула обратно.

– Где моя пряжка?

Вопрос был обращён к служителю у дверей. Тот посмотрел на маркизу, потом на скамью.

– Я оставила её здесь, – продолжала она. – Возле перчаток. Вон та девушка что-то подняла с пола. Я видела.

Ленна поставила корзинку и достала напёрсток.

– Вот что я подняла, миледи.

Маркиза даже наклонилась, чтобы посмотреть. Напёрсток был медный, с вмятиной у края.

– Серебряная пряжка с тремя гранатами, – сказала она служителю. – Я носила её на празднике. Её видела половина двора.

Это вполне могло быть правдой. Мирта, например, помнила, как маркиза при встрече присела так низко, что ей пришлось придержать шаль у самого горла. То было три дня назад. Три дня назад маркиза была почти готова отдать ей свою руку, лишь бы Мирта опёрлась на неё при всём дворе.

– Ленна нагнулась у края скамьи, – сказала Мирта. – Ваши перчатки лежали посередине. Вы сами только что взяли их оттуда.

Маркиза посмотрела на перчатки в своей руке. Мирта была уверена, что теперь она сама подойдёт к скамье и посмотрит, куда могла соскользнуть пряжка. Маркиза натянула одну перчатку и кивнула служителю. Тот распахнул дверцу в перегородке.

Ленна подняла корзинку. Напёрсток она убрала обратно в карман, потом спохватилась и достала снова. За перегородкой, видимо, следовало сперва показать, что у неё в руках.

Служитель попросил Ленну пройти за перегородку. Мирта пошла следом. Отец поднял голову, когда они вошли. У него были очки на кончике носа и чёрная полоска от чернил у основания большого пальца. Обычно Мирта замечала её дома, уже за ужином, и говорила, чтобы он вытер руку.

Судья был знакомый, мессир Рено. Однажды он прислал графу на разбор такую запутанную жалобу, что Мирта три вечера чертила на полях, кто кому приходится племянником. Сейчас он отложил прошение и спросил Ленну, брала ли она пряжку.

– Нет, господин судья.

Он подождал. Ленна смотрела ему в лицо. Голос у неё был чистый, только на последнем слове немного повысился от волнения.

Мессир Рено придвинул к себе лист секретаря и прочёл две строки. Мирта видела лист сбоку. В первой строке маркиза уже лишилась пряжки, во второй Ленна отрицала, что брала её. Напёрстка в этих двух строках пока не было.

– Можно я покажу, где он лежал? – спросила Ленна.

Она чуть повернулась к дверце. Служитель стоял там, где встал, когда впустил её. Ленна остановилась.

– Она подняла напёрсток, – сказала Мирта. – Я стояла у колонны и видела.

Секретарь, уже записавший ответ Ленны, положил перо поперёк чернильницы. Мирта узнала этот жест. Ещё недавно она сочла бы его простой заботой о том, чтобы на стол не капало.

– Я должен спросить, под чьим словом вы свидетельствуете, сударыня, – сказал судья.

Он знал. По тому, как медленно он произнёс вопрос, Мирта поняла, что он надеялся избавить её от ответа. Она посмотрела на отца. Граф снял очки и принялся протирать их краем платка.

– Под словом Пустого Слова, – сказала она.

– В таком случае суд не может принять ваших показаний.

Секретарь всё ещё держал два пальца на пере. Ему достаточно было обмакнуть его и написать одну строчку. Мирта успела мысленно составить её, пока судья просил маркизу припомнить, когда она в последний раз видела пряжку. Она так ясно представляла себе эту строку, что почти удивилась, увидев на листе пустое место. Секретарь всё-таки взял перо и сделал короткую пометку на полях.

Когда маркиза назвала время, оказалось, что она помнит, как сняла пряжку, и помнит, как брала перчатки. Между тем и другим она успела выслушать чьё-то прошение. Кто подходил к скамье, она не видела. Мирта дождалась, пока секретарь допишет, и спросила:

– Когда вы брали перчатки, пряжка ещё лежала рядом с ними?

– Я не смотрела, – сказала маркиза. – Но я всегда кладу их вместе.

Мирта кивнула. Вот и всё, что требовалось выяснить для начала. Теперь можно было спросить Ленну, в какой руке у неё была корзинка, кто ещё оставлял вещи у стены и с какой стороны звон пришёлся о дерево. Она открыла рот для следующего вопроса и увидела, что секретарь смотрит на судью. Ни самого вопроса, ни ответа маркизы он не записал.

– Мессир Рено, спросите её об этом сами.

Судья перевёл взгляд на маркизу, и та уже приготовилась повторить ответ. В эту минуту Мирта подумала, что так и будет теперь давать показания: произносить их шёпотом кому-нибудь, кто согласится повторить погромче. Мессир Рено поправил лист перед секретарём.

– Я слышал, что сказала госпожа маркиза.

Ленна держала напёрсток между большим и указательным пальцами. Прежде чем заговорить, Мирта посмотрела на неё, и та сама положила его на стол.

– Он мой, – сказала она. – У меня игла иногда застревает вот здесь, где край примят.

Она повернула напёрсток вмятиной к судье. Маркиза вздохнула. Мирта знала этот вздох. С ним придворные дамы выслушивали перечень чужих расходов, если уже решили, что денег не дадут.

– Девушка говорит, что не брала, – заметил граф, надевая очки.

– Я её слова слышал, – сказал судья. – Пожалуй, стоит осмотреть скамью.

Служитель вышел и оставил дверцу открытой. Теперь с места Мирты был виден край скамьи. Он отодвинул чьи-то перчатки, провёл ладонью по сиденью, потом нагнулся так низко, что на пол упала его собственная шапка. Пока он поднимал её, Ленна смотрела ему вслед. Мирте захотелось попросить его проверить щель у стены. Она обернулась к отцу, и он едва заметно качнул головой, словно в детстве, когда просил её не подсказывать за столом.

Служитель выпрямился и развёл руками. Маркиза сразу посмотрела на корзинку у Ленниных ног. Ленна тоже посмотрела. Она взялась за ручку и чуть приподняла корзинку, словно собиралась сама отдать её на осмотр.

Маркиза раскрыла рот. Мирта ожидала, что та потребует осмотреть Леннины карманы. Но маркиза смотрела ей за плечо, и лицо у неё уже принимало выражение, с которым при дворе встречали шутку прежде, чем её услышат.

Пересмешник стоял у перегородки, придерживая двумя пальцами дверцу. Он посмотрел на Ленну, на её корзинку, потом на маркизу. Задержался взглядом на её левом плече.

– Пряжка, говорите? – спросил он. – Обыщите меня. Я недавно женился и с тех пор тащу в дом всё, что блестит.

Кто-то засмеялся. Мирта почувствовала, как у неё нагрелись щёки.

– Если бы это были ваши проделки, – сказала маркиза, – я бы не удивилась.

– А я бы на вашем месте всё-таки удивился. Вот, поглядите.

Он протянул ей пустую руку. Когда маркиза повернулась, шаль съехала с её плеча. Пересмешник подхватил край, встряхнул его, и на ладонь ему упала серебряная пряжка. Она звякнула совсем тихо. На застёжке ещё висела тёмная шерстяная петля.

– Хорошая вещь, миледи. Убежать могла, да зацепилась.

Маркиза взяла пряжку. С минуту она рассматривала собственную шаль, словно видела её впервые. Кто-то хмыкнул. Пересмешник повернул голову на звук и, не меняя выражения лица, приложил палец к губам. Рассмеялся даже служитель, который привёл Ленну за перегородку.

Перо опять заскрипело. Секретарь спросил, все ли три камня на месте. Маркиза перевернула пряжку и пересчитала их. Секретарь записал её ответ с той же серьёзностью, с какой принимал жалобу.

Ленна потянулась за напёрстком. Граф подвинул его к ней по столу. Она сказала «благодарю вас» так тихо, что, вероятно, услышала одна Мирта.

– Вы свободны, – сказал судья.

Он обращался к Ленне. Та наклонилась за корзинкой, и Мирта успела заметить, как ей трудно попасть пальцами под ручку. Она взяла корзинку сама. Пересмешник стоял возле дверцы. Мирта прошла мимо, и он отступил ровно настолько, чтобы ей хватило места.

За перегородкой опять пришлось пройти мимо скамьи. Мирта увидела на крюке свой плащ и только тут поняла, что ушла бы без него. Пока она застёгивала его, мимо прошли те две дамы. Младшая оглянулась, точно собиралась всё-таки поздороваться.

– Убежать могла, да зацепилась, – повторила она и сжала подруге локоть. Обе засмеялись уже на лестнице.

На мосту Ленна остановилась подтянуть ленту на плаще.

– Я думала, они меня обыщут, госпожа.

– Я тоже.

Мирта всё ещё несла корзинку. Та была пуста и на ветру билась ей о колено.

– Можете посмотреть, если хотите, – сказала Ленна.

Мирта остановилась. Ленна смотрела на корзинку. На дне лежала свёрнутая тряпица, которую она принесла, чтобы обернуть книги.

– Я видела, как ты подняла напёрсток.

– Знаю, госпожа. Я слышала, как вы им сказали.

– Ленна, я тебе верю.

Мирта дождалась, пока Ленна завяжет ленту, и они пошли дальше.

– Хорошо, что он пришёл, – сказала Ленна.

Мирта хотела ответить. В ту минуту за спиной снова раздался смех. Через мост шли люди из галереи, и кто-то с удовольствием повторял, что теперь Пересмешник тащит в дом всё, что блестит. Дальше они пошли быстрее, и Мирта уже не разобрала слов.

Она отдала Ленне корзинку и взяла её под руку. Дома следовало пришить пуговицу к карману. До самого поворота к башне Мирта думала, из чего её лучше вырезать, и ни разу за всю дорогу не вспомнила о книгах.

Глава 6. Любезность канцлера

Канцлер пришёл в башню на следующий день, когда Мирта пришивала пуговицу к Ленниному карману. Гедда принесла ему стул, осмотрела его чёрный камзол и сунула в камин последнее сухое полено. Мирта успела заметить, что перед тем она отложила его на вечер.

Орсаль сел подальше от огня. На коленях он держал свёрток в серой бумаге.

– Ваш отец сказал, что вы приходили за книгами.

Мирта положила шитьё на стол. Сверху в свёртке лежал справочник по торговым мерам. Под ним нашлись толкования брачных договоров и тетрадь, куда она выписывала решения суда, которые ей когда-нибудь могли пригодиться. Отец вложил в неё бумажную закладку. Мирта вынула её. Это оказался счёт свечника, когда-то понадобившийся ему для сложения столбца.

– Благодарю вас.

– Я попросил секретаря исправить протокол, – сказал Орсаль. – Там стояло, что вы отказались давать показания. Вы ведь не отказывались.

Мирта посмотрела на него с благодарностью и тут же рассердилась на себя. Ещё вчера она считала, что имеет право быть выслушанной. Сегодня ей уже хотелось поблагодарить человека за то, что он точно записал её унижение.

– И что там теперь стоит?

– Что вас не допрашивали.

Орсаль сказал это негромко. Ленна как раз ставила поднос. Под блюдцем застрял край салфетки, и девушка успела дважды потянуть за него, прежде чем поняла, в чём дело. Канцлер придержал блюдце и дождался, пока она выйдет.

– Если девушка снова окажется в затруднении, пришлите за мной. Ей незачем ещё раз проходить через всё это.

– Ленна назвала судье напёрсток и показала его. Маркиза слышала ответ и всё равно собиралась потребовать обыска.

– Она надеялась, что её пряжка найдётся прежде, чем о пропаже заговорят на весь двор. Думаю, вчерашнего ей хватит.

Мирта подняла глаза. Орсаль никогда не смеялся над людьми, когда у них не было возможности посмеяться вместе с ним. Вот и сейчас он произнёс это с лёгкой грустью, как будто ему тоже было неприятно вспоминать маркизу у перегородки. Мирта чуть было не рассказала ему, что Ленна весь вечер вздрагивала, когда кто-нибудь трогал её корзинку.

– Ваше положение можно изменить, – сказал он.

За окном стукнула ставня. Гедда утром подложила под крючок щепку, и теперь Мирта слышала, как та дребезжит при каждом порыве.

– Его высочество произнёс королевское слово. Брак состоялся.

– Да. И пока всё устроено именно так, как было сказано. Но есть способы освободить вас от некоторых последствий. Если вы пожелаете, я возьму на себя разговор с королём.

Мирта уже видела, как возвращается в отцовский дом. Ставит тетрадь на нижнюю полку, снимает шаль у себя в комнате. Ив стучит дважды и, как всегда, входит на втором стуке. Ей даже почудилось, что в её спальне тепло.

– И я смогу вернуться домой?

Орсаль подвинул к ней чашку. Чай был ещё горячий.

– Графу было бы спокойнее знать, что о вас позаботились.

Мирта посмотрела на его руки. На указательном пальце осталась едва заметная царапина от бечёвки, которой он перевязал её книги.

– Куда я отправлюсь, если король согласится?

– Об этом можно будет говорить, когда мы узнаем его решение.

Он мог бы сказать «домой» ещё на первом вопросе. Мирта услышала, как в камине раскололось сухое полено. От него сразу стало теплее.

– Тогда прошу вас пока ни о чём его не спрашивать.

Орсаль склонил голову, словно она попросила его о самой простой вещи на свете.

– Конечно, сударыня.

На лестнице послышались быстрые шаги. Пересмешник вошёл в рубахе с засученными рукавами. В одной руке он держал охапку щепы, в другой нёс два яблока. Он поставил щепу у камина, положил яблоки на стол и поклонился канцлеру.

– Милорд. Если пришли послушать мои жалобы на двор, придётся подождать. Жена пока составляет собственный список.

– Я принёс госпоже Ольвен её книги, – сказал Орсаль и поднялся. – Надеюсь, они пригодятся.

Мирта потянулась за чашкой и задела блюдце. Оно скользнуло с края стола. Пересмешник поймал его у самого её колена, поставил на место и отодвинул на ширину пальца. Орсаль подождал, пока Мирта возьмёт чашку обеими руками, и только тогда попрощался.

Когда за ним закрылась дверь, Мирта сказала:

– Он хотя бы понял, что я хотела говорить.

– Вы ещё привыкнете. Я так хорошо устроился, что мне теперь даже правду говорить безопасно.

Мирта невольно улыбнулась. Пересмешник взял яблоко и, прежде чем надкусить, вытер его о рукав. Сам он ни на миг не улыбнулся.

***

Перед сном Мирта вспомнила про пуговицу. Спустилась за шитьём и увидела, что у окна горит свеча.

Пересмешник сидел у самого окна, подложив под локоть старый платок, чтобы не испачкать рукав. Грима на нём уже не было. Со ступеней Мирта видела только склонённую голову и узкую полоску щеки. Волосы у него ещё были мокрыми у виска. Она уже взялась за перила, чтобы спуститься на последнюю ступень, и осталась стоять.

Свод законов лежал раскрытый на статьях о свидетельстве. Рядом на листе он выписывал отсылки. Одну перечеркнул, сверил номер с предыдущей страницей и начал строку заново. Мирта узнала постановку пера. Так выводили буквы те, кого с детства приучали писать набело медленно и ровно, даже когда за спиной никто не стоял. Отец платил за такие уроки для Ива. Пока учитель ждал ученика, он иногда брал Миртины черновики и молча исправлял наклон.

Пересмешник поднёс лист к свече. Под его рукой Мирта разглядела два слова: «Под чьим». Дальше начиналась цитата из статьи. Там была та самая формула, которую вчера произнёс судья.

На краю стола лежала Леннина пуговица. Мирта могла спуститься, взять её и заодно спросить, зачем он открыл именно эту книгу. Она даже успела придумать, как сказать это без благодарности. Вчера, у перегородки, ей хотелось, чтобы он хоть раз оставил её говорить самой. Сейчас он сидел над той же статьёй, у него затекла шея, и, подняв руку, он машинально потёр её, оставив чернильную точку у самого уха.

Мирта поднялась обратно. Уже в комнате она вспомнила, что пуговицу можно было взять утром. Вопрос, который она придумала по дороге наверх, до утра, пожалуй, тоже мог подождать.

Глава 7. Свобода

Утром Мирта разыскала Леннину пуговицу и дошила карман. Потом взяла чистый лист и написала отцу. Ей хотелось попросить его только об одном. Пусть подтвердит письменно, что

в малой галерее она сама вызвалась дать показания. Орсаль велел исправить протокол. Отец мог подтвердить, почему его пришлось исправлять.

Она трижды переписала обращение. «Господин граф» годилось для прошения, «милостивый государь батюшка» звучало так, словно ей предстояло благодарить за присланный сундук. В конце концов она вывела просто «Отец» и оставила после слова слишком много места.

Пересмешник вернулся из дворца, когда она перечитывала письмо. Он снял промокший плащ, стряхнул воду на нижнюю ступеньку и уже собирался идти наверх. Мирта окликнула его.

– Вы вчера читали статьи о свидетельстве?

Он остановился, держа плащ за ворот. С подола всё ещё капало.

– Прочёл пять. На шестой оказалось, что у меня нет свидетелей, способных подтвердить, что я прочёл первые пять.

Она уже знала, как легко после такой реплики замолчать. Достаточно было улыбнуться и опустить глаза – и у него больше не было бы причин стоять на лестнице. Мирта нарочно не улыбнулась.

– Что вы там искали?

– Хотел узнать, можно ли потребовать, чтобы секретарь занёс в протокол ваш ответ, даже если судья отказывается принять показания.

Мирта отложила перо. Внутри у неё что-то тихо сдвинулось – не благодарность ещё, но уже не та глухая обида, с которой она просыпалась последние дни.

– И можно?

– Просьбу о допросе можно занести. Сам ответ – если разрешит судья.

Она знала ту же статью. Именно на неё сослался бы отец, вздумай она упросить его вмешаться в галерее. Но по пятой статье решение можно было обжаловать, если речь шла о свободе человека. Она прикинула, сколько времени им потребовалось бы составить прошение, и только потом вспомнила, что Ленну давно отпустили. Вчера она едва сумела попасть пальцами под ручку пустой корзинки. Сегодня на её кармане была новая пуговица. Из всех людей, стоявших у перегородки, один Пересмешник догадался посмотреть на шаль.

– Почему вы просто не подали ей пряжку? – спросила Мирта.

Он повесил плащ на крюк. Потом повернулся к ней.

– Кому?

– Маркизе. Можно было сказать: «Вот она, миледи, зацепилась за шаль». Дело бы на том и кончилось.

– Пожалуй.

Она ждала, что он назовёт причину. У него их могло быть полдюжины. Он видел, что маркиза собиралась требовать обыска, хотел заставить её замолчать или рассмешить тех, кто слушал. Пересмешник провёл ладонью по мокрому рукаву.

– Я об этом не подумал.

Мирта чуть не сказала, что прощает его. До этой минуты она толком не знала, за что именно ждёт извинения. Теперь знала – и хотела, чтобы он сам произнёс ещё хоть слово.

– А про жену вы подумали?

– Да. Мне показалось смешным, что человеку с моим жалованьем теперь полагается тащить что-нибудь в дом.

Она покраснела. Жар поднялся от шеи к скулам так быстро, что она даже не успела отвести взгляд. Он заметил это – конечно, заметил – и всё же договорил:

– Я хотел сказать, что воровать приходится мне.

– А смеяться стали над нами обоими.

– Надо мной при дворе смеются всякий день. Я забыл, что вам ещё непривычно.

Сказано было почти мягко. И именно от этой мягкости Мирта услышала в фразе особенно отчётливо, сколько именно времени, по его мнению, ей осталось привыкать. Неделя. Месяц. Год. Пока она не перестанет вздрагивать, когда над ними смеются вместе.

В груди у неё что-то резко сжалось – не обида уже, а злость, горячая и точная, как мозоль на пальце. Она вдруг очень ясно поняла, что ненавидит сейчас не только эту фразу. Ненавидит то, как легко он говорит о привыкании. Ненавидит, что вчера она была ему благодарна. Ненавидит, что до сих пор помнит, как его пальцы подхватили её на ступенях храма. Ненавидит, что ей вообще пришлось думать обо всём этом.

– Я вас ненавижу.

Она произнесла это ясно, не повысив голоса, как если бы отвечала судье. Слова вышли ровные, сухие, без дрожи. Пересмешник замер у лестницы. С его рукава упала капля и тихо стукнула о дерево.

Мирта смотрела ему в лицо и ждала. Ждала соли на языке. Ждала, что голос сядет прямо сейчас, посреди фразы, которую она ещё не успела договорить про себя. Ждала, что он усмехнётся, или поклонится, или скажет что-нибудь невыносимо точное.

Он молчал.

В ту же минуту она обнаружила, что прислушивается к собственному горлу. Проглотила слюну. Ни соли. Ни першения. Ни даже той сухой стянутости, которая иногда приходила после слишком осторожных слов. Горло было чистым. Слова были правдой.

Ей даже захотелось повторить их – громче, чтобы проверить. Но она всё ещё видела его лицо. Под остатками белил оно стало совершенно неподвижным. Не пустым, как в первую ночь, а каким-то собранным, будто он слушал не её, а что-то внутри себя. Капля снова сорвалась с рукава. Он даже не моргнул.

Мирта встала. Сквозняк поднял угол письма на столе. Прижимать его было нечем, и она оставила как есть. Ей нужно было уйти. Сейчас. Потому что если она останется ещё на минуту, то либо повторит эти слова, либо – что гораздо хуже – начнёт объяснять, почему сказала именно их.

Она прошла мимо него к двери зимнего сада. Он не отошёл. Только чуть повернул голову, провожая её взглядом. Мирта чувствовала этот взгляд лопатками, пока не потянула дверь на себя, как велела Гедда.

Нижняя задвижка поддалась с трудом. По ту сторону был холодный воздух и запах мокрых листьев. Мирта переступила порог и только тогда позволила себе выдохнуть.

За спиной, в комнате, он всё ещё стоял молча.

***

Нижняя задвижка поддалась только после того, как Мирта потянула дверь на себя, как велела Гедда. По ту сторону был зимний сад, низкая стеклянная галерея, пристроенная к старой стене. На каменных плитах остались лужицы от недавнего дождя. В нижних стёклах шли трещины, кое-где прихваченные узкими полосками свинца. Снаружи ветер прижимал к стеклу серебряные ветви, и листья сухо скребли по нему багряной изнанкой.

Мирта села на скамью. Дощечка, которую Гедда подкладывала на сырое сиденье, под ней качнулась. Ещё у двери она заметила, что из дома вынесла только то, что было на ней. За шалью можно было вернуться, если бы ей так уж хотелось снова увидеть Пересмешника.

Она попыталась вспомнить, ненавидела ли его, когда говорила. Наверное, да. На то короткое мгновение, пока он стоял перед ней с каплями на рукаве и говорил, что ей ещё непривычно. На ступенях храма она ненавидела его куда сильнее и при этом помнила, как он вовремя подхватил её под локоть. Кого вообще можно ненавидеть дольше нескольких минут, если знаешь, как он просит оставить ему подгоревший край лепёшки?

От лестницы потянуло теплом. Гедда придержала дверь бедром и высунула голову.

– Вы там совсем продрогли, госпожа?

– Мне тепло.

У неё так окоченели пальцы, что она уже несколько минут не могла застегнуть манжету. Мирта провела языком по губам. Потом, на всякий случай, вдохнула поглубже. Горло было в порядке.

– Ну и хорошо, – сказала Гедда. – А то я принесла вам шаль и теперь не знаю, куда её девать.

Мирта рассмеялась и взяла шаль. Гедда прикрыла за собой дверь, и Мирта ещё немного посидела, глядя, как ветер гоняет вдоль стёкол один и тот же лист.

– Отец струсил, – сказала она вслух.

Эту фразу она могла произнести и неделю назад. Даже при свидетелях. А ведь сколько раз за эти дни она уже успела сказать себе, что он был застигнут врасплох и, может быть, плохо слышал канцлера. Она сидела рядом с ним в карете и ждала, что он хоть раз скажет о том вечере что-нибудь, чего не сумел бы занести в протокол. Он выбрал боковой вход.

– А Эдмон знал, что делает.

Она подождала, сама не понимая чего. По стеклу опять прошуршал лист. Мирта застегнула манжету. Под шалью пальцы понемногу согревались.

***

На столе в общей комнате уже не было ни ножа, ни карт. На её письме лежал точильный камень. Пересмешник стоял у камина спиной к огню и держал в руках подсвечник.

– Это вы убрали? – спросила Мирта.

– Да. Пока вас не было, ваш черновик дважды пытался уйти через окно. Я решил, что одному из вас следует остаться.

Она сняла камень с листов. Под ним лежало свежее перо, уже очинённое. Срез был короткий, косой, какой она любила. Её собственное перо, с растрескавшимся кончиком, он положил рядом.

Мирта хотела сказать, что умеет чинить перья сама. Потом примерила новое к руке. Его удобно было держать чуть выше мозоли.

– Свечу тоже оставите?

Он подвинул подсвечник ближе. На письме темнела первая строка, а дальше по-прежнему оставалось слишком много места. Мирта сложила лист чистой стороной наружу. Ей вдруг захотелось попробовать новое перо на бумаге, где ещё никому ничего не полагалось объяснять.

Пересмешник спустился на кухню. Через минуту она услышала, как он спрашивает у Гедды, куда теперь девать человеку всё своё имущество, если он по глупости уступил единственный стол.

– А у тебя много? – спросила Гедда.

Он немного подумал.

– Было больше, чем казалось.

Мирта сидела у окна, держала перо над чистым листом и всё ещё слышала его голос. Последнюю фразу он произнёс совсем тихо.

Глава 8. Старый король

Приглашение к королевскому обеду принёс мальчик в куртке на два размера больше, чем следовало. Он передал лист Мирте и остался у двери, ожидая ответа. На бумаге значилось её имя, выведенное крупнее прочих слов. Мирта перевернула лист. Печать была королевская.

– Это мне?

Мальчик вытянул шею, чтобы взглянуть на приглашение.

– Если вы госпожа Ольвен, то вам. Его величество спросил, почему в списке нет жены Пересмешника. Мне велели дождаться, пока вы прочтёте.

Мирта перечитала приглашение. После посещения малой галереи прошло десять дней. Две дамы, которые там поправляли чепец, за это время ни разу не прислали за ней на репетицию. Можно было прожить без обеих. Обойтись без ответа королю было труднее.

– Передайте его величеству, что я буду.

Мальчик поклонился и сунул руку в пустой карман, ища шапку. Пересмешник, стоявший у камина, подал ему с лавки шапку, которую тот уже успел забыть.

– Если спросят, что я сказал, ответь, что я был красноречив.

– А если спросят, о чём?

– Тогда, боюсь, придётся вернуться.

Когда дверь за мальчиком закрылась, Мирта посмотрела на Пересмешника.

– Вы просили его пригласить меня?

– Нет. Он сам заметил.

Это прозвучало так буднично, что она поверила ему сразу. Потом вспомнила, как всего неделю назад ловила себя на том, что взвешивает каждую его фразу.

Мирта ещё раз взглянула на лист. «Госпожа Ольвен» занимало почти всю первую строку. Мальчик произнёс это имя легко. Ему, видно, дали список, велели найти башню и застать её дома. Когда он стоял у двери, она едва не поправила его и не успела придумать, как именно.

– Во сколько у них обед?

– В час. Вам лучше прийти чуть раньше. Оррен любит знать, сколько человек он кормит, прежде чем их накормит.

– А вас он считает?

– До меня у него счёт всегда сходится.

За обедом Мирте досталось место между женой смотрителя монетного двора и человеком, который уже успел забыть, что видел её на свадьбе. Он спросил, давно ли она замужем. Когда Мирта ответила, он так усердно взялся за рыбу, что едва не проглотил кость.

Соседка подвинула к Мирте блюдо с хлебом. Она начала было спрашивать, как поживает граф, и запнулась на слове «дома».

– Отец, должно быть, здоров, – ответила Мирта.

Соседка взяла кусок хлеба и долго отламывала от него корочку. Мирта могла бы добавить, что сама прекрасно устроилась, что из башни видно реку и что Ленна по утрам теперь спускается за водой, едва проснувшись, лишь бы первой посмотреть, поднялась ли вода под мостом. Ей даже захотелось это рассказать. Но соседка уже спросила, кому передать солонку.

Альбер сидел под балдахином. С праздника он, кажется, ещё осунулся. Под его правой рукой на столе лежало полотенце. Король держал его за угол и время от времени подтягивал к себе, хотя пальцы у него были чистые. За его креслом стоял тот самый камердинер, на чью руку он опирался в ночь праздника. Теперь Мирта услышала, как Альбер называет его Орреном.

Когда подали рыбу, король взялся за нож. Рука у него дрогнула. Кончик ножа ударил по тарелке, потом ещё раз, тише. Оррен тут же наклонился узнать, угодно ли принести горчицу, и закрыл короля от дальнего конца стола. Мирта успела увидеть, как Альбер дождался, пока

дрожь немного уляжется, и принялся за рыбу. Ей вспомнилось его «Мой сын говорит сегодня за меня». Тогда ей казалось, что самое важное в этих словах услышал Эдмон.

На другом конце стола спорили, хороша ли осенняя дорога на север. Альбер поднял голову и назвал переправу, где велел сменить настил в прошлом году.

– Если там по-прежнему старик с седой бородой, – сказал кто-то, – он и в темноте перевезёт.

– Жером, – сказал Альбер. – И ему сорок шесть. Он поседел за одну зиму, когда река унесла мост.

Оррен наклонился, как делал всякий раз, когда король собирался что-нибудь попросить. На этот раз Альбер продолжал слушать, а когда снова опустил глаза, рыба в его тарелке уже была разделена на куски.

Пересмешник за обедом умудрился дважды оскорбить казначея и ни разу не помешать ему есть. После второго поклона он отошёл к колонне. Мирта заметила, что он уже и прежде к ней прислонялся. Всякий раз, когда на него оборачивались, он тут же выпрямлялся.

Король тоже на него посмотрел.

– Стул ему подайте, – сказал он Оррену.

– Ваше величество, сидя я стою вдвое дешевле.

– Тем лучше. Садись, пока никто не предложил тебе сплясать.

Пересмешник сел. Мирта ждала, что он развалится на стуле или усядется верхом. Он просто вытянул ноги под столом, и она только теперь заметила, как осторожно он сгибает левое колено.

Стул поставили так близко, что королю пришлось убрать со стола локоть. За это время Пересмешник успел дотянуться до кувшина и налить Альберу воды. Он сделал это без поклона, словно ему просто мешал полный кувшин. Альбер взял чашу обеими руками.

Казначей отыскал Пересмешника взглядом и с опозданием засмеялся над последней шуткой. Тот, кажется, даже не услышал. Он смотрел, как Альбер ставит чашу. Её дно чуть слышно задело нож, и Пересмешник отодвинул нож к краю тарелки.

Альбер взял грушу с блюда. Оррен подался было вперёд, но король уже положил её на тарелку и, придерживая всей ладонью, разрезал. Половину он придвинул Пересмешнику. За столом заговорили о лошадях. Шут взял грушу, и Мирта впервые увидела, как он ест при дворе, не стараясь никого этим рассмешить.

Она вспомнила лорда Дервена, который на празднике велел разрезать ему грушу и сердился из-за кожуры. Мирте вдруг стало смешно. Ещё немного, и ей пришлось бы сидеть рядом с Дервеном за каждым обедом. Ей захотелось рассказать об этом Пересмешнику и посмотреть, что он скажет. До конца обеда она так и не придумала, как подойти к нему с такой историей.

После обеда в галерее раскрыли окна. Пахнуло рекой, а со сквозняком по плитам понесло листья из сада. Один застрял под туфлей леди Изоры. Она наклонилась, подобрала его и разгладила на ладони. Под пудрой у неё проступали веснушки, особенно заметные у переносицы, когда она щурилась на свет.

– Как там было? «Под белой веткой обещай…» – проговорила она. – Вы не помните, Пересмешник?

Он как раз собирался пройти мимо. Мирта увидела, как легко он перенёс вес на здоровую ногу. Лицо у него на миг застыло.

– Обещай старый долг заплатить, – сказал он. – Очень грустные стихи, миледи. Второй строки я так и не выучил.

Леди Изора улыбнулась. Лист в её ладони сложился пополам.

Изора ещё держала ладонь раскрытой. Мирте показалось, что она и в самом деле ждёт второй строки. Мимо прошли двое с подносами, пришлось прижаться к стене. Пересмешник мог бы уйти вместе с ними. Он остался стоять, пока леди Изора сама не заговорила.

– Я, кажется, тоже.

Она пошла к окну. Пересмешник поклонился ей вслед, и только тут Мирта поняла, что он уже несколько мгновений держит колпак в руке. За обедом он снимал его лишь перед Альбером.

В галерее на сквозняке колпак едва слышно звякнул. Пересмешник спрятал бубенец в ладонь.

– Вас кто-нибудь ждёт? – спросила Мирта.

Он прислушался.

– Пока нет.

Мирта подошла к скамье у стены. На камне лежал лист, такой же, какой подняла Изора. Она смахнула его и села. Пересмешник постоял ещё немного и сел рядом, положив колпак на колено. Оказалось, из галереи слышно, как за стеной убирают со стола. Кто-то пересчитывал ложки и сбился на восьмой. Мирта дождалась, пока он снова досчитает до восьми, и рассказала, как лорд Дервен на празднике сердился из-за грушевой кожуры. Пересмешник спросил, кто чистил грушу. Мирта вспомнила выражение лица пажа и рассмеялась, ещё прежде, чем успела ответить.

Ив пришёл в башню вечером. Он постучал в нижнюю дверь дважды, подождал и постучал ещё раз. Когда Мирта спустилась, Ленна уже впустила его. Ив стоял у печки и грел руки. На одном башмаке засохла грязь, а второй он, видимо, успел начистить прежде, чем передумал идти домой обычной дорогой.

– Отец знает, что ты здесь?

– Он думает, я у мэтра Дюрана. Я и был у него. До половины урока.

Ив вынул из-под куртки свёрток. Внутри оказались два свежих пера и несколько исписанных листов. Мирта узнала прошение вдовы из Нижнего города. Вдова хотела сама вести лавку после смерти мужа. Отец велел ей вернуться, когда она решит, о чём именно просит.

– Он закончил? – спросила Мирта.

– Велел переписать завтра. Там на обороте.

Граф зачеркнул «просит дозволить ей торговать» и над строкой вписал: «просит дозволить ей отвечать за своё слово». Мирта прочла поправку дважды. Она уже видела, сколько договоров вдове пришлось бы составлять на чужое имя, если бы отец оставил прежнюю фразу.

– Ты взял это для меня?

– Думал, тебе захочется узнать, чем кончилось. Ты ведь весь июль про неё спрашивала.

Ив ткнул пальцем в отцовскую поправку.

– Значит, ей дозволят?

Мирта хотела ответить, что пока отец только исправил просьбу. Потом заметила у сгиба старые строки. Вдова принесла их в июле. Она перечисляла, сколько после мужа осталось товара и кто из покупателей ещё числится за лавкой в долгу. Один долг она зачеркнула и вывела сбоку крупными буквами «отдал». Мирта тогда спросила, почему она сама отметила уплату, если лавкой теперь заведует деверь. Вдова ответила, что он и позвал её. Принял деньги и не нашёл в книге, где покойный записывал долги.

– Ей надо прочесть, что теперь здесь написано, – сказала Мирта. – Отец летом просил её решить, чего она хочет. Пусть увидит, как он понял её ответ.

Ив наклонился над листом, прочёл поправку снова и спросил, можно ли списать её оборот вместе с зачёркнутой строкой. Мирта подвинула ему свечу. В новом прошении зачёркнутая строка была ни к чему. Зато пригодилось бы место внизу, если вдова захочет что-нибудь прибавить.

Мирта положила прошение на стол, под точильный камень. Ей и правда хотелось узнать, чем кончилось. Она только не ожидала, что Ив помнит, о ком она спрашивала в июле.

– Перепиши отцовскую поправку точно, – сказала она. – И проследи, чтобы вдова получила копию.

– Я попрошу её прийти, пока он будет на совете. Сам отдам.

Он остался до темноты. За лепёшкой рассказал, что отец с прошлой недели жалуется на сквозняк в кабинете и теперь велит подавать ему бумаги в гостиную. Мирта слушала и думала о своём столе у окна. Здесь тоже дуло. Надо было спросить у Гедды, найдётся ли полоска войлока для рамы.

Глава 9. Кубок

В день осеннего пира в башне наконец перестало дуть из окна. Гедда принесла из кухни полоску войлока, Мирта придержала раму, а Пересмешник забил три гвоздя обухом ножа. Четвёртый он уронил и поймал между башмаком и ножкой стола.

– Вот видите, – сказал он, подбирая его. – Мне можно доверить и то, что падает.

Он явился к ужину уже в гриме. На белой щеке у него осталась тёмная полоска от войлока. Мирта сказала ему об этом у выхода. Он пощупал сперва одну щёку, потом другую и наклонился к ней.

– Где?

Она подняла руку, собираясь показать, и остановилась. Лицо у него было совсем близко. У рта в белилах виднелись тонкие трещинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.